

КОНСТИТУЦИОННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

УДК 342

СОДЕРЖАНИЕ ОСНОВНОГО ЗАКОНА. КОНСТИТУЦИОННАЯ МОДЕЛЬ

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЕВ
(Полоцкий государственный университет)*

Содержание конституции рассматривается в качестве категории, определяющей её специфику и направленность развития. Обращается внимание на необходимость различения «сущности» и «содержания» при изучении основного закона как единого нормативного комплекса. Анализируются основные подходы, связанные с определением «содержания конституции» в юридической науке. Рассматривается обоснованность использования типологии и традиционных классификационных схем при характеристике содержания основного закона. Показано значение метода моделирования при изучении конституционно-правовых институтов. Дается характеристика конституционной модели как важнейшей методологической компоненты при необходимости классификации конституций в рамках исторического подхода. Представлены важнейшие сущностные характеристики категории «конституционная модель» и предложены для рассмотрения основные этапы конституционного развития в рамках указанного подхода. Делается вывод о том, что проведение типологизации с помощью категории «конституционная модель» позволяет выделить наиболее характерные черты, свойственные содержанию конституций определённого рода.

Введение. Содержание как философская категория являет собой отображенную в сознании совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которой являются отличительные сущностные свойства, признаки и отношения. Иначе говоря, оно определяет специфику и развитие объекта. Заметим, что необходимым компонентом содержания выступает и структура в смысле внутренней упорядоченности какой-либо материи.

Обратим внимание на важный методологический аспект различения таких категорий, как «сущность» и «содержание», что редко находит отражение в юридической литературе. Изучение конституции предполагает определение не только ее сущности, но также и содержания, в котором непосредственно обнаруживаются ее направленность, функции и социальное назначение. Можно сказать, что сущность той или иной конституции обретает соответствующую конкретизацию в самом ее тексте.

Сущность и содержание должны предполагаться единым целым. Сущность конституции проявляется в содержании всех ее принципов, норм и институтов. Это близкие по смыслу, но не совпадающие между собой категории. Сущность конституции чаще всего определяется теоретическим путем, в максимально абстрактно-концентрированной форме. Говорить предметно о содержании можно лишь с учетом конкретных нормативных формулировок, имеющих место в тексте документа. Поэтому правы те авторы, которые учитывают в своих исследованиях исторически заданное понимание сущности конституции и содержание позитивного конституционного права: «по составу позитивных правоположений конституция образует нормативный комплекс, который отличают известная подвижность и вместе с тем устойчивость, смысловая жёсткость, обеспеченная при условии, если конституция действительно оправдывает свою сущность» [1, с. 208]. В плане методологии данная позиция представляется наиболее оптимальной.

Общенаучный подход четко сформулировал Д.А. Керимов: «Если категория сущности законодательства применительно, например, к законодательным актам показывает, что эти акты выражают волю того или иного государства, то категория содержания вскрывает, какие конкретные требования выдвигает эта воля. А это означает, что содержанием законодательных актов выступает не просто государственная воля, а государственная воля, опосредствованная в соответствующих, вполне определенных, конкретных правовых нормах» [2, с. 21]. Можно сказать, что в содержании конституции ее сущность находит свою конкретику, развертывание и раскрытие.

Основная часть. Проведенное различие между сущностью и содержанием (это имеет отношение и к вопросу о связи содержания и формы) характеризует диалектику их взаимозависимости и взаимопроникновения, имеет непосредственное практическое значение для нормотворческой деятельности и осмысления ее научно-теоретических основ. Приведем сугубо авторское наблюдение. Правотворческий процесс в Беларуси, с нашей точки зрения, развивается исключительно по канонам позитивизма. Это не сочетается с заявленной сущностью Конституции, предполагающей и закрепляющей ориентиры развития страны как демократического, правового, социального (в широком смысле слова) государства, функ-

ционирующего на основе идей народовластия. Ответ может быть дан с учетом внимательного ознакомления с содержанием Конституции. Взятая за основу «суперпрезидентская» (политологический устойчивый оборот) модель формы правления многое объясняет (ее основателем принято считать Президента Франции генерала Ш. де Голля). Глава государства в таком случае «выводится» за рамки традиционной концепции разделения властей; помимо исполнительно-распорядительных наделяется самостоятельными нетрадиционными полномочиями; становится ведущим субъектом правотворческого процесса; активно формирует и закрепляет во всем государственном механизме позиции личной власти; провозглашает следование принципам патерналистского государства и т.д.

Сформировавшееся положение Президента в системе государственной власти не является изобретением авторов белорусской Конституции, достаточно вспомнить французский, польский, российский опыт государственного строительства. Суть нашей позиции не в том, чтобы подчеркнуть очевидное. Мы лишь констатируем, что явное расхождение между сущностью и содержанием конституции неизбежно трансформируют государственно-правовую практику в сторону отхода (неважно, в каком направлении) от тех принципиальных основ, которые задумывались как своеобразная «философия» развития конституционализма в конкретной стране. А это, вне всякого сомнения, может существенно влиять на роль и место конституции в жизни государства и общества. Как показывает исторический опыт, чаще всего речь идет не о повышении, а о понижении статуса и социальной значимости основного закона страны.

Как известно, правоведение активно использует философский инструментарий, и конституционно-правовая наука здесь не исключение. В сегодняшней литературе, отмечает Н.Н. Тарасов [3, с. 45], становится всё заметней расширение спектра философских оснований и методологических подходов юридических исследований. О «содержании конституции» пишут многие авторы, но смысловое наполнение данной категории определяется по-разному (это нормально в условиях философско-методологического плюрализма).

Например, М.В. Баглай отмечает, что «в мировой конституционно-правовой теории нет единого взгляда на содержание конституции. Конституции разных стран являют собой весьма пеструю картину, что отражает различие исторических условий их принятия и уровня конституционного правосознания» [4, с. 65]. И здесь же автор ведет речь о форме конституции (на примере Великобритании), об особенностях ее судебного толкования (опыт США), о влиянии итогов Второй мировой войны на объем основного закона (ФРГ, Италия), об идеологическом характере социалистических конституций (СССР), о фиктивности многих конституций развивающихся стран, заимствовавших модели развитых государств, об определенной унификации представлений о содержании современной конституции и т.д.

Понятно, что М.В. Баглай стремится показать все «многоцветие» когда-либо действовавших и ныне действующих конституций, однако во всех ли случаях речь идет именно о «содержании конституции»? Видимо, нет, коль различия иллюстрируются через «форму конституции», концепцию «живой конституции», «объекты конституционного регулирования», «классовый характер конституции», «фиктивность конституции», «унифицированную модель конституции». Все эти характеристики, безусловно, являются очень важными для понимания конституции, но говорить о «содержании» в строгом смысле слова вряд ли возможно. Скорее, здесь перечислялись факторы и свойства, которые решающим образом могут влиять на «содержание конституции».

О факторах, влияющих на содержание конституций и элементы предмета конституционного регулирования, пишет С.В. Авакьян. Важным для понимания проблемы видится следующее замечание: «Каждая конституция – продукт переплетения объективного и субъективного. Объективно то, что она должна закрепить социально-экономические устои общества, структуру государства, основы статуса человека и гражданина, политические механизмы власти, причем в сжатой форме. Субъективно то, что конкретные люди и на данном отрезке развития страны, общества будут формулировать основной закон» [5, с. 148]. Как видно, вопрос о содержании конституции ставится в прямую зависимость от понимания общетеоретического дискуссионного положения об «объективном и субъективном в праве», что представляет несомненный интерес.

Определяющим в определении содержания конституции К.В. Арановский рассматривает тот факт, какие нормативные положения являются обязательными составляющими основного закона. По его мнению, «содержание конституции как бы образует два блока. Первый из них – это нормы и институты, совершенно обязательные для любой конституции. Именно с их помощью конституция оправдывает свою сущность. Без какого-либо из обязательных элементов конституция является неполной, требует развития или же просто не является таковой» [6, с. 126]. К их числу ученый относит: 1) положение о народном суверенитете; 2) юридические основы статуса личности; 3) организацию и структуру высших институтов власти; 4) основы правового регулирования в государстве; 5) вопросы территориального устройства. Можно убедиться, что для К.В. Арановского вопрос о содержании конституции – это прежде всего вопрос об объектах регулирования со стороны основного закона.

Проблема содержания основного закона у Р.В. Енгибаряна сводится к определению предмета и пределов конституционного регулирования: «Какой круг общественных отношений и в каком объеме должна регулировать современная конституция? Иногда считают, что содержание той или иной консти-

туционной модели определяется ролью государства, масштабами его вмешательства в жизнь общества и граждан» [7, с. 59]. Автор «увязывает» содержание конституции с «содержанием той или иной конституционной модели», что с методологических позиций вполне оправданно, но изначально «огрубляет» социальную конституционную практику. Отметим и тот факт, что в своей ранней работе Р.В. Енгибарян проблему юридического содержания конституции рассматривает в связке с ее структурой: «Содержание конституций (если они выражены в форме единых кодифицированных документов) определенным образом структурируется и получает свое выражение в структуре конституции, т.е. в принятом порядке их организационного построения, внутреннего согласования и расположения разделов, глав, статей и т.д. Не только в содержании, но и в структуре конституции отражается общий замысел законодателя и глубинный смысл данного основного закона» [8, с. 29]. Содержание основного закона автор определяет через «совокупность конституционных норм, институтов и принципов, регулирующих общественные отношения, которые определяют организацию государственной власти, взаимоотношения этой власти, общества, различных коллективов и индивидов. При этом следует различать два элемента: социальное содержание, т.е. характер регулируемых общественных отношений, и правовое содержание – правовой материал, из которого состоит конституция (нормы, институты, принципы)» [7, с. 59]. Такая трактовка не является новой для конституционной теории. Много раньше эту научную позицию сформулировал и детально проработал в своих трудах В.Е. Чиркин [9, с. 51; 10, с. 50; 11, с. 40], что заслуживает детального рассмотрения.

Изначально В.Е. Чиркин определяет общий формат рассмотрения проблемы: «Сущность конституции неразрывно связана с ее *содержанием*, причем сущность отражает природу конституции глубже, а содержание – богаче, разностороннее. Содержание современной конституции – это тот или иной способ нормативного выражения конкретного компромисса, достигнутого в обществе в данных условиях. Внешне содержание представлено совокупностью норм основного закона, которые определяют основы взаимосвязей человека – коллектива – государства и общества в той или иной конституционной модели, а при анализе конкретной конституции (русской, французской или китайской) – в данной конституции. Рассматривая содержание той или иной конституции, важно различать два элемента, составляющих в спаянном виде ее содержание: *социальное* содержание, т.е. характер урегулирования общественных отношений человека – коллектива – государства и общества в интересах определенных социально-политических сил, и содержание *правовое* – тот нормативный правовой материал, из которого состоит конституция, который заключен в ней (нормы, институты, принципы)» [11, с. 51].

Таким образом, ученый предлагает различать две составляющих проблемы: 1) содержание конкретной конституции и 2) содержание той или иной конституционной модели.

Судя по всему, В.Е. Чиркин выходит за пределы тех характеристик, которые дают известные классификации в теории конституции. Как можно будет убедиться, понятие конституционной модели автор связывает с традиционно выделяемым понятием исторического или, точнее, социально-политического типа конституции, с понятием определенной разновидности конституции внутри такого типа.

Это серьезный и новаторский в научном отношении подход, так как исследователь при характеристике содержания (во многом и сущности) конституции претендует осуществить типологию как процедуру научного познания, что предполагает отход от привычных классификационных схем. В юридической науке, напомним, вопрос о соотношении классификации и типологии всегда являлся дискуссионным. Предпринимались попытки рассматривать классификацию и типологию как тождественные процессы научного познания или даже признавать типологию видом классификации (А.И. Ракитов [12]; Л.П. Рожкова [13]). Не погружаясь в суть дискуссии, обозначим позицию Н.В. Сильченко [14]. По его мнению, типология существенно отличается от классификации, являя собой более существенный этап научного познания.

Важным представляется то обстоятельство, что типологию не следует рассматривать лишь в качестве учения о классификации, упорядочении, систематизации. Речь идет и о методе научного познания, в основе которого лежит расчленение и группировка объектов с помощью обобщенной, идеализированной модели, на чем и будет сделан основной акцент.

Принципиальное отличие типологии от классификации, указывает В.М. Сырых [15, с. 329], видится в объекте, и типология имеет своим объектом наиболее сложные политико-правовые явления – государство и право как тотальные целостности, как компоненты еще более сложного системного образования – гражданского общества. Напомним, что в правоведении типология традиционно связывается только с одной проблемой – обоснованием членения истории государства и права на ряд эпох, охватываемых понятием «исторический тип государства и права». В таком случае следует задаться вопросом, находится ли конституция (если шире – конституционно-правовая реальность) в ряду «наиболее сложных политико-правовых явлений»?

Если давать утвердительный ответ в том смысле, что «конституционная модель» является результатом осуществленной типологии, тогда необходимо установить (критерии позаимствуем у В.М. Сырых

[15, с. 329]): 1) какие компоненты социального бытия могут быть взяты основанием типологии для раскрытия закономерностей развития исследуемых явлений; 2) каким образом эти элементы менялись на протяжении всей истории государства и права; 3) какие главные эпохи, стадии в истории государства и права можно выделить с учетом качественных изменений основания типологии.

В конечном итоге типология должна привести к выявлению совокупности закономерностей, общих тенденций и процессов, которые лежат в основе каждого выделенного типа (модели) конституции и которые обеспечивают устойчивость и развитие политико-правовых институтов конкретного периода. Именно в этом и видится главный признак типологии – выявление всего того общего, что составляет главную особенность, своеобразие соответствующей конституционной эпохи, оказывающую влияние на остальные компоненты политико-правовой жизни. Второй характерный признак типологии состоит в том, что эта процедура научного познания призвана не только выделить соответствующие типы (модели), но и установить между ними конкретные связи, а также возможный механизм перехода от одной конституционной модели к другой.

Учитывая указанные обстоятельства, полагаем, что типологию как процедуру научного познания можно применять для исследования конституции, в том числе для выявления закономерностей и механизма становления, формирования и развития конституционно-правовых моделей. Такой подход представляется продуктивным для эффективных разработок теоретических основ современной конституции, он имеет несомненное практическое значение.

Особо отметим, что при изучении сущности и содержания конституции используется как *эмпирическая*, так и *теоретическая* типология. В основе первой лежит количественная обработка и обобщение имеющихся данных, фиксация устойчивых признаков сходства и различия, находимых индуктивным путём, систематизация и интерпретация изучаемого материала. Но для практических целей (прогнозирование, стратегическое планирование, моделирование) очень важна теоретическая типология. В данном случае предполагается построение идеальной модели объекта (конституции), обобщённое выражение признаков, фиксация важнейших принципов описания множества изучаемых объектов. Такая типология опирается на понимание объекта как системы, что связано с вычленением соответствующих связей, с построением представления о структурных уровнях объекта, т.е. она служит одним из главных средств объяснения объекта и создания его теории. Только такой подход может претендовать на звание научного.

Прежде чем обратиться к характеристикам основных конституционных моделей, необходимо выяснить уместность использования категории «модель» в рамках предлагаемых типологий. Данный термин встречается в трудах Ж.И. Овсепян [16, с. 35], Р.В. Енгибаряна [7, с. 45], В.Д. Зорькина [17, с. 51], А.А. Клишаса [18, с. 15], А.Н. Медушевского [19, с. 13], В.В. Маклакова [20, с. 36], Н.М. Добрынина [21, с. 14] и других. Это говорит о том, что метод моделирования занимает все более устойчивые позиции в науке конституционного права. Но насколько оправданно и верно с научной точки зрения использовать категорию «модель» в изучении конституции через ее типологизацию? Определенную подсказку дает классический словарь иностранных слов. ТИП [< гр. *tepos* отпечаток, образ] в одной из вариаций означает «образец, модель для группы предметов» [22, с. 643], т.е. может выступать в качестве модели. В то же время МОДЕЛЬ [фр. *modèle* < ит. *modello*] рассматривается как 1) образец; 2) воспроизведение предмета в уменьшенном или увеличенном виде [22, с. 419]. Иными словами, МОДЕЛЬ – аналог изучаемого процесса, предмета или явления, отображающий его основные функции и характеристики.

Моделирование всегда находило применение в юридической науке. Модели не являются каким-то новым методом абстракции, сознательно или интуитивно они используются с момента зарождения правоведения. В самом широком смысле слова под моделью понимается любой познавательный образ эмпирического и теоретического уровня познания, она «выступает как промежуточное звено между субъектом и объектом, как вспомогательное средство познания, промежуточный этап построения образа теории объекта» [23, с. 123]. Говоря о «конституционной модели», ее можно понимать как определенный образец, масштаб.

Метод моделирования становится в определенной степени модным, и стремление не отстать от моды стимулирует употребление термина «модель» в самых разнообразных случаях, и нередко без предварительного определения его значения. Поэтому прав А.Ф. Черданцев, когда предостерегает о том, что «при таком подходе использование названного термина не вносит в науку что-либо новое, ведет лишь к засорению, дублированию терминологии, к неопределенности самих научных рассуждений» [23, с. 121]. Ученый считает необходимым выделить существенные характерные черты моделей, что позволит нам надлежащим образом понять содержание «конституционной модели», о которой все чаще пишут в юридической литературе. *Во-первых*, модель является формой отражения действительности, однако, отражая исследуемый объект, является его упрощением, «огрубленным» образом. *Во-вторых*, модель создается в результате абстракции. При создании модели происходит абстрагирование от бесконечной совокупности свойств, признаков, отношений исследуемых объектов, отвлечение от частных. *В-третьих*, модель и

исследуемый объект находятся между собой в отношении соответствия, так как модель является аналогом исследуемого объекта. Между моделью и объектом имеется определенное сходство, но это сходство не на всех уровнях (материала, элементов, структур, функций, форм и т.п.). Ясно, что модель не есть тождественное повторение того или иного явления, ведь если бы этого удалось достигнуть, она утратила бы смысл. *В-четвертых*, модель служит средством отвлечения и выражения внутренней структуры сложного явления. Модель бесполезна, если речь идет об отвлечении отдельных свойств и признаков. Если объекты берутся как нечто элементарное, моделирование лишается смысла. Поэтому объекты, исследуемые путем моделирования, должны быть сложными, иметь систему, состоять из элементов. *В-пятых*, модель своеобразно замещает объект, дает о нем информацию, выступает промежуточным звеном между теорией и действительностью, имеет содержательный характер. Модель является не только средством, но и формой знания, самим знанием. В данном случае модель следует рассматривать как гносеологическую категорию с интерпретаторскими, объяснительными, предсказательными и критериальными функциями.

Важные замечания по данной проблеме сделаны К.В. Арановским, который утверждает, что модель как регулятор поведения существенно отличается от нормы: «В нормативно построенном поведении предпочтение отдано правилам, так или иначе подтвержденным со стороны публичного порядка. Применимость нормы обеспечивает то, что представление о ней, о её силе сопряжено с образами закона, публичной власти, государства. Источник авторитета нормы расположен за пределами какого-либо лица, не исходит от человека. Модель же представляет собой не столько правило, сколько образец поведения, который кажется достойным повторения [...]. Можно сказать, что нормативность связана с безличным воображением, тогда как модель привязана к олицетворённому образу – авторитетной личности, других лиц, которые необходимо представить, чтобы их примеру можно было бы следовать» [1, с. 60]. Не случайно, видимо, в литературе так часто встречаются упоминания о конституциях, построенных по «американской», «французской» и т.п. модели. Это характерно и для зарубежных авторов (см. например, Фридрих А. фон Хайек [24, с. 427 – 448]).

Модель может носить исследовательский характер, а может выполнять специальную задачу описания, демонстрации. Конституционную науку должна интересовать и эта функция моделей, так как исследование правовых явлений – не самоцель. Важными задачами моделирования следует считать не только обслуживание нужд науки и преподавания, но и реальную помощь работникам нормотворческих и правоприменительных органов. В этом и состоит главная ценность так называемой «конституционной модели», на чем делают акцент в своих работах Т.Я. Хабриева и В.Е. Чиркин [11, с. 7] – основные ее разработчики.

Какой же смысл вкладывается В.Е. Чиркиным в понятие «конституционная модель», каковы ее основные черты? Ученый, предлагая схему, отражающую основные тенденции конституционного развития государств мира, пишет следующее: «Если классификацию конституций проводить не в связи с изменениями социально-политической картины мира, а в связи с появившимися конституционными моделями, чье возникновение связано с появлением новых (нередко принципиально иных) конституционно-правовых институтов, то, видимо, могут быть предложены сходные, но все же несколько другие классификации [...]. Речь идет не о страноведческих моделях, не о классификациях с точки зрения структуры, порядка принятия и изменения конституции, ее юридических признаков, а о более широком и существенном подходе. *Конституционная модель* – явление, возникающее на определенном этапе развития человечества (а не какой-либо отдельной страны, хотя она и может возникать и, как правило, возникает в отдельной стране (народ которой, создатели конституции обнаружили, открыли, уловили «вызовы» общественного развития), распространяясь затем на другие страны.

Конституционная модель характеризует определённый социально-политический подход к объекту, содержанию и способам регулирования общественных отношений, к использованию в этих целях тех или иных конституционно-правовых институтов. Это наиболее общее выражение признаков конституций определённого рода [11, с. 16]. Всеохватность и большая информационная нагрузка – отличительные черты «конституционной модели» в рамках такой типологизации. Справедливости ради отметим, что ещё раньше в юридической литературе описать «конституционную модель» попытался Ю.А. Юдин, однако в рамках предложенной классификации учёный сосредоточивается лишь на важнейших этапах конституционного развития, исторически обусловленных изменениями социально-экономической картины мира.

Каждому этапу автор определяет соответствующую модель. В частности, Ю.А. Юдин [10, с. 43] говорит о том, что современное понятие конституции сложилось в ходе развития мирового конституционного процесса, обусловленного эволюцией общества и государства в новое и новейшее время, и в этом развитии выделяет четыре основных этапа. *Первый* охватывает период с конца XVIII века до окончания Первой мировой войны; *второй* – период между двумя мировыми войнами; *третий* – период от окончания Второй мировой войны до конца 80-х годов; *четвёртый* – современный этап. Он явственно обозначился на рубеже 80 – 90 годов XX века в связи с крахом тоталитаризма, но истоки этого этапа находятся в более ранних периодах и отчасти связаны с влиянием социалистических конституций.

В рамках исторического подхода классифицирует конституции К.В. Арановский, однако, в отличие от Ю.А. Юдина, учёный не претендует на обоснование «конституционной модели» и проведение типологизации. Он говорит о трёх поколениях в отношении ныне действующих конституций: «Появление конституций первого поколения ориентировочно можно ограничить периодом с XVII по конец XIX века (США, Бельгия, Норвегия, Люксембург) [...]. Следующее поколение конституций формировалось в период до Второй мировой войны (здесь автор почему-то указывает на Конституцию Финляндии и Веймарскую Конституцию, которые не являются ныне действующими – *А. П.*). Третье поколение составляют конституции послевоенного периода [6, с. 136 – 137]». Итак, по К.В. Арановскому, возраст – основное деление конституций на поколения.

По времени принятия делит конституции на четыре группы М.Ф. Чудаков, однако внутри основных групп выделяет подразделы (подгруппы). Подход соответствует основным канонам исторической периодизации и включает в себя «старые, новые, новейшие и сверхновые конституции» [25, с. 27]. *Первая* группа объединяет конституции конца XVIII века до 1918 года, окончания Первой мировой войны; *вторая* – межвоенный период (1918 – 1945); *третья* охватывает конституции, принятые в промежутке после 1945 года до середины 70-х годов; *четвёртая* подразделяется на две подгруппы (примерно 1974 – 2000 годы и начало 90-х годов – наши дни). Предложенная периодизация осуществлена в рамках мирового конституционного процесса (этапа писаных конституций) и даёт представление о разновидностях конституций в ракурсе конкретной исторической эпохи.

Указанные схемы верно отражают основные тенденции конституционного развития государств мира, однако типологизация и моделирование предполагают более масштабный и сущностный подход. Надо отдать должное, В.Е. Чиркин не просто предлагает использовать категорию «конституционной модели», но и детально определяет её основные черты [11, с. 16 – 18]. В обобщённом виде «очертания» конституционной модели следующие: *во-первых*, конституционная модель, возникая на переломном этапе исторического развития, отражает определённое мировоззрение и уровень правового сознания в обществе, особенности социального и политико-правового развития страны; *во-вторых*, конституционная модель характеризуется органическим единством. Это определённый образец, единая схема регулирования определяющих общественных отношений. Она образует своего рода «каркас» для регулирования общественного и государственного, конституционного строя, положения различных коллективов в обществе, правового статуса личности; *в-третьих*, конституционная модель – это юридическая проекция общественного развития. Она не только и, может быть, не столько фиксирует настоящее (это обязательно), сколько является ориентиром на будущее; *в-четвёртых*, всякая новая конституционная модель, в отличие от обычной новой конституции, является фактором стабилизации общества после пережитых социальных потрясений. После принятия той или иной модели создаются условия для развития общественных отношений по новой схеме.

Такое понятие конституционной модели охватывает множество параметров с выходом за пределы известных классификаций в теории конституции. Здесь учтены не только формально-юридические характеристики, но и социальное содержание конституционных отношений, их статичность и динамизм, типовые схемы государственно-правового регулирования. Как удалось установить, В.Е. Чиркин [11, с. 18 – 30] предлагает рассматривать семь конституционных моделей, характерные черты которых представлены ниже.

Первая конституционная модель связывается с утверждением капиталистического строя в передовых странах Америки и Европы. Три вопроса: власть, права человека и ограниченная демократия – составляли суть данной модели, предопределяли её содержание. Это так называемые инструментальные конституции, так как основная часть текста посвящена органам государства и правам гражданина, но речь не шла о социально-экономическом регулировании либо признании коллективистских элементов (объединения граждан, их роль в обществе). Такая модель получила название как *инструментальная, либерально-капиталистическая, асоциальная, ограниченно демократического характера*.

После Первой мировой войны вызревает новая конституционная модель, которая существенно отличается от предыдущей. Это *инструментальная с социальными элементами либерально-капиталистическая модель в основном демократического характера*. Такая характеристика объясняется закреплением в конституции и реализацией на практике концепции социального государства, пусть и не в явной форме (Мексика, Чили, Ирландия, Чехословакия). В конституциях названных и некоторых других стран ещё нет комплексного регулирования основ общественного строя, но определённый шаг к социальной конституции имел место.

Наряду с этой моделью в странах тоталитарного социализма (СССР, Монголия, Тува) формируется *идеологизированная, классовая, политически недемократическая конституционная модель тоталитарного социализма*. В настоящее время к этой модели относятся конституции сохранившихся социалистических стран (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба, Лаос), хотя тоталитарный характер в них постепенно ослабляется (в основном в сфере экономики, что неизбежно влечёт и политическое «потепление»). С

распадом мировой социалистической системы социализма (конец 80-х – начало 90-х годов XX века) такие конституции выглядят реликтами отжившей своё эпохи.

Четвёртая конституционная модель формируется после Второй мировой войны в обстановке стремительного развития демократического движения в мире в связи с разгромом нацизма и фашизма. В конституциях прописываются разделы о социально-экономических правах, об общественных объединениях и политических партиях, роли государства в обеспечении прогресса общества, принципах распределения общественного продукта (Италия, Франция, ФРГ, Япония). В результате в настоящее время обозначились и получают распространение основные черты *социально-инструментальной демократической модели современной конституции*.

В одной из своих работ В.Е. Чиркин отдельно рассматривает *конституционную модель развивающихся стран* [9, с. 15], получивших независимость после крушения колониализма в 50-х – 80-х годах XX века. Следует учитывать, что многие из них (особенно это касается африканских государств) составлялись либо новыми элитами, пришедшими к власти, либо при помощи советников метрополии. Относительно объектов конституционного регулирования здесь наблюдается наибольшее разнообразие. Но в большинстве этих государств между элементами конституционной модели и самой действительностью выявляется мало чего общего ввиду мизерного опыта существования в условиях независимости и демократии.

Как особое явление рассматривает В.Е. Чиркин постсоциалистические конституции [11, с. 30]. Новизна заключается в том, что соединение нового (капиталистический уклад, демократические начала, верховенство права) и старого (излишне регулирующая роль государства, слабость судебной системы, неразвитость гражданского общества) придало отдельным институтам конституционного права своеобразное содержание и гибридные формы. В чём это выражается и имеет ли отношение к белорусским реалиям? Следует дать утвердительный ответ.

Нетрудно заметить, что при сохранении многообразия форм собственности и провозглашении свободы экономической деятельности существует приоритетное регулирование для государственной собственности, парламентаризм существует в ограниченных формах, парламентский контроль за исполнительной властью практически отсутствует, в форме правления задействована «суперпрезидентская» модель, местное самоуправление заменяется государственным управлением под жёстким контролем центральной власти, политические и общественные инициативы находятся в зачаточном состоянии. Поэтому можно говорить о *переходной незавершённой гибридной конституционной модели*, где вопрос о том, будет ли преобладать *растущее новое* либо доминировать *уходящее старое* остаётся открытым (см. подробнее А.Н. Медушевский [26; 27]).

В большинстве стран Западной Европы (Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия) в основных чертах складывается модель *социально-инструментальной демократической конституции нового общества – социального капитализма*. Здесь широко используются элементы социалистических идей с адаптацией к современным экономическим, социальным, демографическим условиям. Это нечто вроде социал-капитализма, который в переосмысленном виде включает многие элементы (например, социальную справедливость, права трудящихся, планирование экономики), традиционно считавшиеся основами социалистической доктрины и противоположными капитализму (см. подробно Н.С. Бондарь [28, с. 306 – 372]).

Содержание такой модели конституции определяется тем, что она исходит из общечеловеческих (прежде всего европейских) ценностей, толкуя их с социальных позиций (солидарность, справедливость), сохраняя и развивая вместе с тем либеральные и демократические ценности прежних эпох (права человека, ограничение государственной власти, свободная конкуренция). По своему правовому содержанию она далеко выходит за пределы либеральных конституций, используя такой инструментарий, который даёт возможность закрепить в правовых нормах и институтах ценности, имеющие жизненно важное значение для индивида, коллектива, общества и государства. По своему социальному и правовому содержанию такая модель принципиально отличается от своей предшественницы, которую можно охарактеризовать как либерально-капиталистическую ограниченно демократическую асоциальную модель. Но преемственность по базовым конституционным ценностям сохранилась, что подтверждает тезис об устойчивости и динамичности демократических ценностей.

Итак, категория «*конституционная модель*» отражает не столько страноведческую, сколько историко-правовую реальность, т.е. такое явление, которое возникает на определённом этапе развития человечества и отражает наиболее общие признаки конституций определённого рода. Этот подход позволяет охватить множество параметров, выходя за пределы тех характеристик, которые дают известные нам классификации в теории конституции (с точки зрения структуры, порядка принятия и изменения конституции, её формы и т.д.). Данное понятие несёт большую информационную нагрузку, так как в обобщённом виде включает в себя правовую схему организации общества и государства, основы правового статуса личности, пределы и методы государственного регулирования, социальное содержание конституци-

онных отношений (их статичность и динамизм), основные формально-юридические характеристики конституции.

Такие разработки плодотворны для современной науки конституционного права, появляются исследователи, предлагающие свой взгляд на проблему. Например, российский автор Р.В. Енгибарян, основываясь на учении австро-американского юриста Г. Кельзена (который выделял три разновидности государства, различающиеся по степени проникновения в общество: гражданское правовое государство, социальное правовое государство и «социалистическое государство общего блага»), говорит о трёх основных моделях действующих в различных странах конституций: либеральной, этатистской и либерально-этатистской [7, с. 60]. Сообразно этому подходу автор относит к третьей (либерально-этатистской) модели конституции России, Беларуси и других постсоциалистических стран.

Содержание (наполнение) конституции в каждом из государств зависит от многих факторов: времени и обстоятельств составления конституции, юридических, культурных и религиозных традиций, зарубежных влияний и даже от географии, «темперамента нации» (по выражению К.В. Арановского [6, с. 126]). Понятно, что в социально-историческом плане не бывает абстрактных конституций, но проведение типологизации с помощью категории «конституционная модель» позволяет выделить наиболее характерные черты, свойственные сущности и содержанию конституций определённого рода.

Заключение. *Содержание* как философская категория призвано отразить направленность, функции и социальное назначение конституции. Самой близкой в смысловом значении «содержанию» выступает «сущность» конституции как совокупность наиболее устойчивых и постоянных характеристик исследуемого феномена. Но если сущность основного закона выражает так называемую его «философскую», «волевую заданность», то содержание может быть определено лишь с учётом конкретных нормативных положений, сформулированных в тексте конституции. Между содержанием и сущностью всегда обнаруживается диалектическая взаимосвязь, продиктованная их взаимозависимостью и взаимопроникновением.

Не случайно многоаспектность сущности конституции порождает ситуацию, при которой конституционно-правовая теория не может предложить единого взгляда на её содержание. Во многом причина разночтений предопределена отсутствием единства критериев, по которым может быть установлено содержание основного закона. Однако, как можно убедиться, правоведы уделяют данной методологической проблеме должное внимание, прибегая к наиболее испытанным инструментальным средствам – типологии и классификации. При изучении сущности и содержания конституции как сложного политико-правового явления используется как эмпирическая, так и теоретическая типология. Это позволяет выделить соответствующие типы (модели) конституции, установить между ними конкретные связи, определить возможные механизмы перехода от одной конституционной модели к другой.

Это говорит о том, что наряду с использованием «традиционных» методов следует признать очень удачным обращение к *моделированию* как эффективному средству научного познания, что позволило многим современным правоведам раскрыть содержание основного закона через категорию «конституционной модели». С её помощью достигается наиболее общее выражение признаков конституций определённого рода, как правило, в рамках исторического подхода. Использование конституционной модели позволяет учитывать не только формально-юридические характеристики основного закона, но и социально-политическое содержание конституционных отношений, их статичность и динамизм, общие тенденции конституционного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арановский, К.В. Конституционная традиция в российской среде / К.В. Арановский. – СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2003. – 658 с.
2. Керимов, Д.А. Законодательная техника: науч.-метод. и учеб. пособие. – М.: Норма, 2000. – 127 с.
3. Тарасов, Н.Н. Методологические проблемы юридической науки / Н.Н. Тарасов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2001. – 264 с.
4. Баглай, М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для юрид. вузов и фак. – М.: НОРМА, 2000 – 776 с.
5. Авакьян, С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2-х т. / С.А. Авакьян. Т. 1. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.
6. Арановский, К.В. Государственное право зарубежных стран: учеб. пособие / К.В. Арановский. – М.: ИНФРА – М; ИД «ФОРУМ», 2000. – 488 с.
7. Енгибарян, Р.В. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции / Р.В. Енгибарян. – М.: Норма, 2010. – 496 с.
8. Енгибарян, Р.В. Конституционное право: учебник для вузов / Р.В. Енгибарян, Э.В. Тадевосян. – М.: Юристъ, 2000. – 492 с.

9. Чиркин, В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт / В.Е. Чиркин – М.: «Зерцало», 1998. – 448 с.
10. Сравнительное конституционное право: учеб. пособие / отв. ред. В.Е. Чиркин. – М.: Междунар. отношения, 2002. – 448 с.
11. Хабриева, Т.Я. Теория современной конституции / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. – М.: Норма, 2005. – 320 с.
12. Ракитов, А.И. Историческое познание / А.И. Ракитов. – М., 1982. – 303 с.
13. Рожкова, Л.П. Принципы и методы типологии государства и права / Л.П. Рожкова. – Саратов, 1984. – 116 с.
14. Поленина, С.В. Научные основы типологии нормативных правовых актов в СССР / С.В. Поленина, Н.В. Сильченко. – М.: Наука, 1987. – 151 с.
15. Сырых, В.М. Логические основания общей теории права / В.М. Сырых. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. – Т. 2: Логика правового исследования (Как писать диссертацию). – 560 с.
16. Овсепян, Ж.И. Развитие научных представлений о понятии и сущности Конституции / Ж.И. Овсепян // Правоведение. – 2001. – № 5. – С. 24 – 36.
17. Зорькин, В.Д. Современный мир, право и Конституция / В.Д. Зорькин. – М.: Норма, 2010. – 544 с.
18. Клишас, А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие зарубежных стран. Сравнительно-правовое исследование / А.А. Клишас; под ред. проф. В.В. Еремяна. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 496 с.
19. Медушевский, А. Кельзеновская модель конституционного правосудия и изменение конституций в странах Восточной Европы / А. Медушевский // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах: сб. докл. – М.: Центр конституционных исследований МОНФ, 1999. – С. 13 – 41.
20. Конституционный контроль в зарубежных странах: учеб. пособие / отв. ред. В.В. Маклаков. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Норма: Инфра-М, 2010. – 672 с.
21. Добрынин, Н.М. Деконституционализация – ожидаемое или норма жизни? / Н.М. Добрынин // Государство и право. – 2010. – № 5. – С. 5 – 14.
22. Словарь иностранных слов. – Государственное Издательство Иностранных Национальных Словарей, 1949. – 808 с.
23. Черданцев, А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике / А.Ф. Черданцев. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. – 230 с.
24. Хайек Фридрих Август фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева; под ред. А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 644 с. (Серия «Политическая наука»).
25. Чудаков, М.Ф. Конституционный процесс в Беларуси (1447 – 1996гг.): моногр. / М.Ф. Чудаков. – Минск: Акад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2004. – 327 с.
26. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 1997. – 650 с.
27. Медушевский, А.Н. Теория конституционных циклов / А.Н. Медушевский; Гос. ун-т – Высш. шк. экономики. – М.: Издат. Дом ГУ ВШЭ, 2005. – 574, [1] с.
28. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия / Н.С. Бондарь. – М.: Норма; ИНФРА-М, 2011. – 544 с.

Поступила 03.04.2013

THE CONTENT OF THE BASIC LAW. CONSTITUTIONAL MODEL

A. PUGACHEV

The content of the constitution is regarded as a category that determines its specificity and direction of development. Attention is paid to the necessity of distinction between the essence and the content of the basic law as a single regulatory complex. The main approaches related to the definition of the content of the constitution in jurisprudence are analysed. The validity of the use of typology and traditional classification schemes in describing of the content of the basic law is considered. The significance of the modelling method in the study of constitutional and legal institutions is indicated. The characteristic of a constitutional model as the most important methodological components for the classification of constitutions in the historical approach is given. The most important intrinsic characteristics of the category “constitutional model” and the main stages of constitutional development in the framework of this approach are proposed. It is concluded that the typology that is based on the category of constitutional model allows us to emphasize the most characteristic features peculiar to the content of the constitutions of some kind.